

Увертюра судьбы

— Олег Леонидович, ваша фамилия — Лундстрем — напоминает по звуку теплый скандинавский Гольфстрим.

— Вы угадали. "Лунд" — это роща. А "стрем" — это поток. Отсюда сходство. Моя фамилия, если перевести на русский, — Рощин-Потоцкий (смеется).

— Ваш прадед, швед Карл Август Лундстрем, почему-то уехал в Россию.

— Почему — никто не знает. Но не уехал — а пешком пересек границу, потом приехал в Петербург с сыном Францем и дочерью.

— А может, Карл Август просто сбежал от жены, прихватив детей?

— Предположить-то можно, но доказать ничего нельзя.

— Родословная вашей матушки Галины Петровны Валуевой тоже довольно экзотична.

— Да, там русские, греческие, украинские корни. Ее отец, Петр Прокопьевич Валуев, приходился внучатым племянником Тарасу Григорьевичу Шевченко. Петр Прокопьевич слыл добрейшим человеком, был живописцем и прекрасно пел. Он входил в общество народолюбцев, был арестован по делу о покушении террористической группы на Александра III и приговорен к расстрелу. Его жена, очаровательная гречанка, с двухмесячной дочкой пришла на прием к генерал-губернатору Одессы. В кабинете у важного лица дочка разревелась, молодая мать тоже заплакала. Генерал вежливо ее успокоил и сказал бедной просительнице: "Единственно, что я могу сделать для вас, — это заменить расстрел вашего мужа на вечную казнь". Бабушка обрадовалась.

Губернаторское слово оказалось весомее бумаги. Когда Александр III умер, последовала амнистия. Валуева расквали и отправили на поселение в Читу. Моя мать — Галина Петровна — родилась в Чите. Смотрите, сколько случайностей способствовало моему появлению на свет. Расстреляли бы деда, обо мне бы и вовсе речи не было.

— Кому вы обязаны своим влечением к музыке?

— Лундстремы и Валуевы были музыкально одаренными людьми. Мама пела и аккомпанировала на гитаре. Папа играл на фортепиано. Будучи физиком и математиком, отец хорошо читал ноты с листа. Это передалось и мне. В 12 лет я начал учиться на скрипке, брат — на фортепиано.

В белом смокинге рядом со своими музыкантами 83-летний маэстро кажется богатейшим королем. Он действительно король джаза, звезда первой величины. Имя Олега Лундстрема внесено в Книгу рекордов Гиннеса: беспримерный случай — в течение 65 лет дирижер бесценно руководит своим оркестром. Ему пожалована специальная грамота ЮНЕСКО за заслуги перед мировым искусством. А дома, в одиночестве, он общается только с роялем и с нотной бумагой. И только в редкие минуты покоя нахлынут воспоминания...

— Олег Леонидович, вы помните запретителей джаза?

— Не делайте из меня великомученика. Если у нас что-то снимали из репертуара, мы ставили другое. Я спокойно отметал давление идеологии. Во время концертов в первых рядах обычно сидели запретители. Но и они хлопали и улыбались, вместе со всеми получали удовольствие.

— Все верят и не верят, что вашему оркестру 65 лет.

— Я задумываюсь сейчас о том, почему же мы все-таки уцелели. И начинаю понимать: только потому, что у меня нет позиции: "Я и мои музыканты". Общее дело нас настолько сплотило, что для всех стало главным не "я", а "мы". Еще в Шанхае только в нашем биг-бэнде были прекрасные импровизаторы — мой брат Игорь и мой помощник Алексей Котяков. Их сманивали, давали в три раза больше денег — никто не ушел. Этот союз разорвать никому не удалось. Возьмем нынешнюю пору. Мой оклад — 900 рублей, а у музыкантов — 400, ну уж самый лучший получает 500. Но нет у них соблазна сбежать из оркестра. Вот это духовное и держит нас вместе.

Человек года

— За концерты на фестивале в Санта-Барбаре в сентябре 98-го года вам что-нибудь заплатили?

— На фестивалях не платят — они наш оркестр пригласили и всем обеспечили. Американцы признали нас лучшим биг-бэндом в мире и назвали меня "Человеком 98-го года". Мы играли концерт "Эра свинга", показали всю панораму разных биг-бэндов, начиная с 30-х годов. Второй наш концерт "Джаз по-русски" шокировал американцев: мы играли собственные произведения и джазовую классику в нашей обработке. "Этим вы убили нас", — говорили знатоки. — Такой силы джазового оркестра в мире больше нет". Они сделали невероятное: из 500 номинантов за весь XX век выбрали меня и наградили золотой медалью.

— Повысили ваше материальное состояние.

— Медаль стоит всего 375 долларов, а "Человек года" на родине получает меньше 40 долларов. Мой русский менталитет не позволяет мне прибиваться.

— Вам никогда не предлагали остаться в Западе?

— Месяц назад у нас были гастроли в Швеции. К тому же я написал шведскую народную песенку в свинговом плане и исполнил. В такой рев стоял. Одно наше слово — и весь биг-бэнд мог бы стать Шведским национальным оркестром.

— Олег Леонидович, кто заботится о нем?

— Мой племянник Леонид Игоревич Лундстрем, скрипач Большого театра и руководитель Кеммерного ансамбля Большого. У него четверо детей. Живет он на моей даче. Ко мне раз в неделю приезжает няня его детей, делает уборку, стирает, готовит. Они почему-то меня закармливают. Им кажется, что я похудел. А я этому только радуюсь.

— Вы на каком языке объясняетесь за границей?

— С детства говорю по-английски. Моя двоюродная бабушка, лингвистка, учила меня английскому. Она могла бы научить меня и шведскому, но считала это неперспективным. Лет сорок я не разговаривал по-английски. Приехал в Вашингтон на фестиваль и заговорил сразу. В молодости я читал по-французски Мопассана. А приехал во Францию — ничего не мог понять, ни одного слова. Выскочило начисто все из памяти. И вдруг на четвертый день — раз! — начал понимать. Но сам заговорил на девятый день, старый запас слов прорезался.

— Что вы больше всего цените в женщине?

— Человеческие качества. Самое важное — не чувственные игры, а родство душ. И взаимное доверие и поддержка. Когда все это вдруг исчезает, то понимаешь, как много ты потерял.

— Но, может быть, на мой закят печальный мелькнет любовь улыбкою прощальной.

— Новая человеческая привязанность возможна. Но я сомневаюсь, что в моем возрасте она случится... В Америке я обратил внимание: там каждая женщина чувствует себя интересной. Даже в преклонных годах. Они ходят постоянно в парикмахерские, чистят перышки, следят за собой. Смотришь на них, любуешься. Там даже старушки — аккуратнейшие, подтянутые, улыбаются. Уж не знаю, чисто русская ли особенность характера или бедность и нищета при советской власти породили пренебрежение к своему внешнему виду: пока молодая, она держит форму, но стала бабушкой и позабыла, что была женщиной, не следит за собой. И даже молодые там не доходят до нашего молодежного беспредела в наркотиках, в распущенности, в грубости. Заглядишься на молодую зарубежную красавицу — она улыбнется тебе, потому что внимание пожилого господина ей нравится. Она не обидит его грубым замечанием. Чувство — я женщина! — воспитано в них с детства. Они его не стесняются.

— Но есть женщины в русских селеньях. И однажды вы встретите достойную и молодую...

— Конечно, не 20-летнюю, но настолько еще молодую, чтобы она любила музыку и понимала меня... Это вполне возможно.

— Встречались ли вам предсказатели вашей судьбы?

— Однажды в шанхайском ночном клубе молодая русская девушка, изучив мою ладонь, изрекла: "Ой, какая у вас интересная судьба. Вы перенесете очень тяжелую болезнь, но выживите и будете жить долго, станете знаменитым". Мы с приятелем от души посмеялись. А в конце 40-го года, когда в Шанхае случилась эпидемия брюшного тифа, я схватил все его разновидности, в том числе паратиф-А и паратиф-В. Долго был в бессознательном состоянии, даже несколько раз порывался выпрыгнуть в окно с четвертого этажа, но меня удержали. Остальное вы знаете.

— Многоопытный Лундстрем предчувствует будущее России?

— Как учит китайская медицина, мы медленно, но верно выйдем на праведный путь расцвета. Наша страна еще спит беспробудно. Но мы опомнимся и окажемся в богатейшей стране.

26 апреля в Зале им. Чайковского концертом оркестра Олега Лундстрема и его солистов откроется Международный московский джазовый фестиваль, посвященный 100-летию Дюка Эллингтона.

Наталья ДАРДЫКИНА.
Фото Игоря БУЛГАРИНА.

Тестень

О ВЕЩЕ

Олеге

— Что делал в Харбине ваш отец?

— Отца направили на КВЖД. Харбин был фактически русским городом. В Политехническом институте, где работал физиком мой отец, преподавали на русском. Зарплаты и премии у русских служащих тогда были крупными. Дорога давала бешеные доходы: из Китая через Россию в Европу шли товары в plombированных вагонах. Все было отлично до 35-го года, пока не пришли туда японцы. Трое из нашего оркестра поехали в Шанхай на разведку и выяснили, что там можно хорошо устроиться, поскольку музыканты требовались. Отец как законопослушный гражданин уехал в Россию. Мама, к счастью, с ним не поехала — осталась с детьми. Отец не догадывался о своей грядущей трагической судьбе. Прислал письмо из Ростова, где устроился и где ему обещали дать жилье. Но вдруг перестал писать. Мы его уже никогда не увидели. В 37-м отец погиб в лагерях...

Биг-бэнд молодости

— Я возмущаюсь, когда журналисты пишут, что именно я организовал оркестр в Харбине. Я ничего не организовывал. Среди друзей-музыкантов были гораздо более продвинутые, чем я: играли и в духовом, и в симфоническом. Я же пришел в оркестр из домашнего музицирования.

— Но именно вы отыскали пластинку незнакомого в ту пору Дюка Эллингтона, перенесли музыку на нотный стан и открыли друзьям новое музыкальное поле!

— Первый наш трубач Виталий Серебряков предложил: "Давайте создадим биг-бэнд". У нас было три саксофона, две трубы, тромбон, фортепиано и ритм-группа. Естественно, возник вопрос: "А кто руководить будет?". И кто-то выкрикнул: "Олег!". Я был поражен. Это потом я понял: еще до знакомства с Эллингтоном я пробовал аранжировать. Печатных нот в Харбине не было. Мои способности были востребованы.

— Провозглашенному руководителю биг-бэнда было всего 18 лет. Часто влюблялись?

— Я вас предупреждал: на эту тему говорить не хочу. По опыту знаю: в газете все вырежут и оставят только про это.

— Олег Леонидович, голубчик, быть влюбленным — самое естественное состояние молодого человека. Вы, наверное, влюблялись в восточных красавиц?

— Если я влюблялся, то не в криволазеньких, а в глазах русских! Но что об этом вспоминать... Я всегда был верен одной женщине, пока с такой же преданностью не влюблялся в другую. Одним словом — ловелас. Но все-таки главной страстью для меня оставалась музыка. Мои женщины часто были недовольны мной.

— А что вас не устраивало в их поведении?

— Я не мог примириться с тем, что женщина ставит любовь выше всяких границ. Когда начинаются какие-нибудь претензии или ревность, внутренне напрягаешься: не даю работать!

— Вспомните, пожалуйста, хотя бы об одной шанхайской любви.

— Был у меня роман — и серьезный! — с пе-

вицей, украинкой Ниной. Ее отца сожгли в топке. В Шанхае Нина вышла замуж за американского музыканта. Певица она была прекрасная. Наш оркестр играл в Ball Room'e, большом танцевальном зале с прекрасным полом на пружинах, с большой сценой для биг-бэнда. Сначала мы играли в зале демократическом, куда ходили даже моряки. А заканчивали свою китайскую музыкальную карьеру в первоклассном Ball Room'e, куда пускали лишь во фраках, смокингах и в балльных платьях. Именно там и выступала голосящая певица Нина. Когда она пела — а пела на английском, — танцующие в изумлении останавливались и долго аплодировали. Зал был ею покорен. А в любви она была безумно ревнивой. Это стало мне мешать, и мы расстались...

— На каком инструменте играли вы?

— На фортепиано. В Шанхай приехали беженцы из фашистской Германии. Моим учителем стал музыкант, ученик знаменитого композитора Шёнберга, г-н Френкель, который даже не догадывался, что у него в третьем поколении была еврейская кровь. Моя удача, что я учился у него гармонии и полифонии.

— Вашу музыкальную среду можно было назвать богемой?

— Я бы не сказал. Мы любили и джаз, и классику. В доме одного коллекционера мы прослушали записи всех французских композиторов-модернистов, не говоря уж о Стравинском и Прокофьеве. Наш круг был не богемный, а почти консерваторский. Поэтому, услышав впервые Эллингтона, я сразу почувствовал его своеобразие: если простые танцевальные мелодии били только в ноги, то Дюк задевал струны очень глубокие. Я выбрал Эллингтона ориентиром.

В товарняке — в Россию

— Вы приехали в Казань всем оркестром. Неужели там хотели иметь собственный джаз?

— Нас хотели сделать оркестром Татарской республики. Прослушали. Директор филармонии потирал руки, что получает отличных музыкантов. А тут грянуло постановление ЦК об опере Мурадели. Приехал начальник по делам искусств и объявил: "Я был на важном совещании, где выяснилось, что джаз народу не нужен". наших трубачей, тромбонистов, кларнетистов направили в оперный театр. Некоторых — в эстрадный оркестр, а гитаристы и саксофонисты разбрелись кто куда, вплоть до ресторанов. Я, скрипач, пошел в театр. Поступил в консерваторию на композиторский факультет, а позже окончил еще и отделение симфонического дирижирования.

— У вас уже были собственные сочинения?

— Еще в Шанхае, в честь окончания Второй мировой войны, нам предложили участвовать в грандиозном концерте. Я сразу согласился. Но не играть же Эллингтона в честь победы русских! Я засел за рояль, импровизировал и писал свой опус под впечатлением музыки Рахманинова. Мы выступали в конце концерта. Никогда в жизни я не волновался так, как в тот вечер. Когда я исполнил свою "Интерлюдия", раздался громовый голос: "Стен Кентон!". И аплодисменты... За кулисы прибежал двухметровый американец: "Это ты написал? Это же стиль Стена Кентона!" — "А что это такое?" — "Ты не знаешь Стена Кентона? В 42-м году в своем оркестре он использовал элементы симфонической музыки". Как же я мог об этом знать, если у нас в 41-м даже коротковолновые приемники отобрали?.. Мой учитель гармонии благословил меня поступать на композиторское отделение... Я, наверное, единственный из джазменов с симфоническим консерваторским образованием, да еще с дипломом архитектора, который получил в Шанхае.

Эра Галины

— С Галиной Алексеевной мы встретились в Казанском театре, куда я пришел заведовать музыкальной частью, а она была актрисой. У Гали был сын от первого брака. Мое полугоднее хозяйство завершилось женитьбой и счастливой семейной жизнью. Лет 40 спустя как-то на кухню я сказал ей: "Ты знаешь, у нас получились не совсем советская семья — я ни разу не дал тебе затрещину, ни разу не пришел пьяный". Случалось, ей нащепывали жены музыкантов о грозящей им всем измене. Гали отвечала: "Если вы не верите своим мужьям, уходите. Я своему верю". Жили мы дружно, очень дружно. Она охраняла меня от забот, от ненужных телефонных звонков. Когда переехали в Москву, Галия не пошла работать в театр, хотя ей предлагали. Она поехала со мной... Галина Алексеевна умерла три года назад. А дальше пошло по пословице: "Что имеем — не храним, потерявши — плачем". Покой в семье — это возможность творчества.

— У вас огромные заслуги перед Отечеством, а вы живете в "хрущобе" с низкими потолками, узким коридором и крошечной кухней.

— Тут целая история. На собственные деньги наш оркестр построил свой дом в Бабушкине. В это время появилось постановление о расширении границ Москвы. Для Бабушкина уже требовалась московская прописка. Пока мы ее добивались, дом наш заселили. Долго длилось разбирательство. Дали музыкантам квартиры в разных местах. Мне — эту. Пришлось ее перепланировать самому — благо у меня высшее архитектурное образование.